

Сборники произведений
Виктории Токаревой
в издательстве «Азбука-Аттикус»

О том, чего не было
Летающие качели
Ничего особенного
Извинюсь. Не расстреляют
Сказать — не сказать...
Римские каникулы
Антон, надень ботинки!
Можно и нельзя
Почем килограмм славы
Этот лучший из миров
Мужская верность
Птица счастья
Террор любовью
Дерево на крыше
Тихая музыка за стеной
Короткие гудки
Так плохо, как сегодня
Сволочей тоже жалко
Муля, кого ты привез?
Мои мужчины
Немножко иностранка
Кругом один обман
Дома стоят дольше, чем люди
Дом за поселком

Виктория Токарева

Короткие гудки

Рассказы и повесть

Санкт-Петербург

Рассказы

хрустальный башмачок

В моем доме оказалась новая домработница Лиля. Она была похожа на королеву со старинных гравюр: вислый нос, выпученные глаза. Невысокая, хрупкая, очень умелая и постоянно грустная. Я прозвала ее Воркута, поскольку там вечная полярная ночь и почти не бывает солнца.

Лиле — сорок шесть лет, выглядела моложе. Она вышла замуж в двадцать лет. Муж пил, дрался и изменял. Полный набор. Хотя бы что-то одно: пьяница или бабник. Но тут — и первое, и второе, и третье. Он еще и дрался, и норовил попасть кулаком в лицо.

Лиля работала учительницей в младших классах, человек с образованием, и вдруг — фингал под глазом. Являться с фингалом в школу было неудобно, но приходилось. И дети наблюдали, как синяк постепенно менял свой цвет: от лилового до лимонно-желтого.

Соседями Лили по этажу были молодожены — Костя и Маша. Костя — автомеханик, золотые руки. Маша — воспитательница в детском саду. Они приходили в гости и сидели рядышком, плечико к плечу. Маша смотрела на мужа с восторгом и называла его «котик». А он ее — «кысочка». И было видно, что у них — любовь. Они только и ждут, чтобы вернуться домой и остаться наедине.

Наблюдать чужое счастье при отсутствии своего было невыносимо. Мучила несправедливость судьбы: почему одним все, а другим ничего?

Лиля часто думала о Косте в самые неподходящие моменты, а именно в моменты интимной близости с мужем или на педагогическом совете. Она закрывала глаза и грезила наяву.

У Кости были очень красивые руки с длинными, сильными пальцами. А у мужа пальцы тоненькие, как венские сосиски. Кстати, насчет сосисок: они были вовсе не венские, а отечественные, халтурные, практически без мяса. Перестройка разрушила все производства, в том числе мясоперерабатывающие. И водка стала паленая. Муж отравился такой водкой насмерть. Умер в одночасье.

Лиля хотела подать в суд, но кто будет разбираться? Суды тоже оказались паленые. Кто больше заплатит, тот и прав.

Лиля решила подать в Москву на заработки. У нее было две задачи: заработать денег и найти мужа.

Лиля — домашняя семейная женщина. Женское счастье она представляла себе, как в песне: «Был бы милый рядом, ну а больше ничего не на-а-до». Ничего. Только милый рядом. Такой, как Костя. Но Костя — занят. Значит, другой. Похуже. Она и другого полюбит, лишь бы существовал в натуре: ел, спал, разговаривал, уходил и приходил, зарабатывать.

Первое время Лиля работала на рынке, продавала моющие средства. Приходилось целыми днями стоять на ветрах, дождях и солнце-пеке, в зависимости от времени года. Обманывать не умела, деньги шли с трудом. Преуспевали наглые и вороватые. Лиля не могла ловчить, не умела постоять за себя, в крайнем случае — плакала. Но кому нужны ее слезы? Никому. Поэтому она плакала себе и по ночам.

Что касается любви — образовался хохол. Он работал на стройке разнорабочим. Специальности у него не было, поэтому прораб поставил его вместо бетономешалки. Хозяин жидился дать деньги на бетономешалку, приходилось делать бетон вручную: цемент, песок, вода — и перемешивать. Рабский труд.

Хохол пил, само собой, но агрессивным не становился. Наоборот: покладистый и нежный. Целовал Лиле пальцы на руках и на ногах. Приходилось каждый день мыть ноги и делать педикюр.

Хохол пел Лиле красивые песни на своем языке: «В човни дивчина писню спивае, а козак чуе сэрдэнько мрэ...»

У Лили замирало сердце от красоты и нежности. Его ласки падали на засохшую душу, как благодатный дождь. Она даже прощала хохлу его пьянство. Оно как-то не мешало. Счастья от хохла было больше, чем неудобств.

— Женись на мне, — предлагала Лиля.

Хохол отмалчивался. Смотрел в одну точку.

Дело в том, что хохол был женат и у него имелся сын Тарас. Жену можно было бы заменить на Лилю, но Тарас был незаменим. Мальчику шестнадцать лет. Впереди — высшее образование, чтобы в дальнейшем он не работал бетономешалкой. Обучение стало платным. Хохол работал на образование сына. И эта высокая цель оправдывала всю его нетрезвую рабскую жизнь.

Лиля бесилась. Она хотела иметь хохла в полном объеме, а не в среду и пятницу с девяти вечера и до девяти утра.

Постепенно она добилась совместного проживания. Стали снимать комнату. (Платила Лиля.) Она готовила хохлу борщи, он съедал по две тарелки сразу. Он позволял себя кормить и сексуально обслуживать. Но позиция хохла была крепка: любить — да, а жениться — нет. Жаме, как говорят французы.

В конце концов Лиля обиделась на хохла и уехала к себе в Кишинев. Дома оказалось

еще хуже: одна в пустых стенах и никаких денег. Соседи — Котик и Кысочка — не навещали. Кысочка чем-то болела, лежала по больницам. Котик страдал, заботился, навещал. Соседям было не до Лили.

Хохол настойчиво посылал эсэмэски, называл Лилю такими нежными словами, что сэрдэнько замирало, почти останавливалось. Крепко засел хохол.

Лиля вернулась в Москву, обратилась в агентство. Агентство связалось со мной, и таким образом Лиля оказалась в моем доме. Она мне понравилась: молчаливая, не лезла с разговорами, единственно: все время смотрела в свой мобильный телефон. Ждала, когда хохол пришлет эсэмэску: «согласен жениться». Но... эсэмэски шли другого содержания, типа «целую ручки, ножки», «не могу забыть, жду»...

В конце концов Лиля дрогнула и в свой выходной отправилась к хохлу на свидание.

Хохол работал на стройке под Обнинском и там же снимал комнату. Лиля добиралась к нему четыре часа, как до Венеции: на маршрутке, на метро, на электричке. Все это стоило усилий и немалых денег. Наконец она оказалась в его комнате.

Комната — серая от пыли. Постель — берлога. Из еды — только хлеб и вода, как в тюрьме.

Пришлось прибраться и сварить какой-никакой обед. На это ушел остаток дня. Впе-

реди — ночь. На предстоящую ночь Лиля возлагала большие надежды, но это была ночь разочарований.

У хохла ничего не получалось. Лиля терзала его плоть так и этак, но она все равно падала, как увядший стебель.

— Прости, — жалобно попросил хохол. — Наверное, я устал и переволновался.

— Женись, тогда прощу. От мужа много не требуется...

— Ну вот, опять двадцать пять, — расстроился хохол. — Я могу быть только любовником.

— А если ты любовник — должен трахать. Иначе какой же ты любовник?

Лиля в глубине души рассчитывала, что дождет хохла, сломает его сопротивление и они пойдут по жизни плечико к плечу. Но впереди предстояла обратная дорога в мой поселок. И вся жизнь — как эта тягостная дорога, безо всякого проблеска, как повядшая плоть хохла.

Лиля вернулась утром — молчаливая, хмурая. Воркута под тучами.

Я не стала ни о чем спрашивать. И так все понятно.

Смысл дачного проживания — прогулка по живописным окрестностям. Природа красива в любое время года. У осени — своя красота: в багрец и золото одетые леса. У зимы — зимняя сказка: мороз и солнце. Я не понимаю,

как можно жить в одном и том же климате. На Гавайях, например. Всегда двадцать пять градусов. Рай. Но все двенадцать месяцев один и тот же рай. Одна и та же картинка перед глазами. Можно свихнуться.

Я ушла гулять в зиму. В минус десять градусов.

Всевышний не пожелал раскрыть свою главную тайну — что там, за горизонтом. А то, чего не знаешь — того нет. Я шла ходко, наслаждаясь движением, — бессмертная, вечная и веселая. Мне нравилась моя жизнь в отсутствии любви и смерти. Полная свобода от всего.

Я вернулась домой в прекрасном расположении духа. Лиля караулила меня в прихожей. Она мелко дрожала, как будто ее включили в розетку.

— Ты замерзла? — спросила я.

— Нет. Мне хорошо.

— А что случилось? — не поняла я.

— Случилось счастье. Я получила предложение руки и сердца.

— От хохла?

— Нет. От Кости.

— Какой Костя?

Лиля махнула рукой. Не могла говорить от перевозбуждения.

Оказывается, это был тот самый Котик, сосед. Его жена Кысочка умерла, царствие ей небесное. Костя стал прикидывать: как ему жить дальше? Главное — с кем? Он перебрал в уме

всех знакомых женщин и остановился на Лиле. Она всегда ему нравилась: тихая, умелая, нежная. Противостоит ударам судьбы, как солдат. Побеждает. Выживает. Вот такая ему и нужна.

Можно, конечно, найти красивее и моложе. Но у красивых завышенные требования, при этом неоправданно завышенные. К тому же сейчас поменялась мода на жен. Были модны малолетки, на тридцать лет моложе. А сейчас модны личности — умные, с хорошими манерами, из хороших семей.

Лиля — из хорошей трудовой семьи. Учительница. Внешность неброская, но если взглядишься — милая, милая, милая, светлый мой ангел земной...

— Сказка... — проговорила Лиля.

Ее сказка стала былью. Прошлые мужчины — муж, хохол — канули в вечность, их смыло временем. Над ее жизнью вошел Костик, как ясное солнце, и это солнце — навсегда. Не закатится, не погаснет, не потускнеет. Главное, не сделать ошибки. Но она не сделает. Она в себе уверена.

Лиля стояла посреди прихожей, переполненная счастьем. Не Воркута, нет. Сочи, Рио-де-Жанейро, Лос-Анджелес в разгар лета.

брат и сестра

Зюма (полное имя Изумруд) появилась в нашем поселке в самом начале девяностых годов.

Впервые я увидела Зюму на собрании, где ее принимали в члены кооператива.

Собрание роптало. Кооператив принимал в свои ряды только членов Союза писателей. Это было сугубо писательское сообщество, каста избранных, как в Индии, и со стороны никого не допускало, отвергало высокомерно.

Сталин незадолго до смерти дал эти земли писателям, по полгектара на нос. Рядовые граждане имели шесть соток, а полгектара — в восемь раз больше. Сталин таким образом подкармливал идеологию.

«Поэт в России больше, чем поэт», — говорил Евтушенко. И это правда. Хорошая литература заменяла свободу и совесть — все то, чего так не хватало в замкнутом однопартийном государстве.

В нашем поселке поселились лучшие из лучших, просто хорошие писатели и не очень хорошие, однако члены Союза писателей, гордые своей высокой миссией.

Зюму принимали в начале девяностых. Это уже совсем другое время. Горбачев привел перестройку, и общество заметно расслоилось. Появились богатые, их пренебрежительно называли «богатенькие».

Богатенькие внаглую скупали земли у обедневших писателей и их потомков. Правила приема изменились. Деньги решали все. В кооператив мог попасть кто угодно, даже бандит. Но слава богу, бандиты обошли стороной наши земли.

В центре поселка стоял сгоревший дом популярного поэта и был похож на сломанный зуб. Его называли «дом Павлова», имея в виду Сталинградскую битву. Остальные дома были целы — скромные строения пятидесятых, окруженные деревенскими штaketниками.

Богатенькие презирали любую бедность, и писательскую в том числе. А писатели в свою очередь презирали их несправедливые богатства.

Зюма сидела с непроницаемым лицом, похожая на африканскую львицу.

Немолодая, однако не утратившая женственности и шарма, она царственно оглядывала собрание и была себе на уме.

Правление кооператива объявило: если Зюма хочет быть в наших рядах, она обязана

внести вступительный взнос: три тысячи долларов. Тогда это были деньги.

— За что? — спросила Зюма.

— За электричество, газ и водопровод, — объяснил председатель. — Вы будете этим пользоваться. Извольте вложиться.

— А другие платят вступительный взнос? — проверила Зюма.

— Писатели не платят. А вы — человек со стороны.

Собрание загудело одобрительно. Дескать: да, со стороны, и неча с кувшинным рылом в калашный ряд.

Зюма приподняла брови. Она считала так же, но с точностью до наоборот. Это она, Зюма, — в калашном ряду, где калачи и сдобные булки, а этот писательский сброд — именно кувшинные рыла.

— Да.. — задумчиво проговорила Зюма. — Мне предлагали участок на Рублевке. Надо было соглашаться..

Зюма за свои деньги могла себе выбрать любое место, а остановилась почему-то на нашей дыре. Соблазнилась близостью с Москвой, громкими именами. А теперь усомнилась: зачем жить в окружении снобов? Чтобы сказать знакомым: «Я живу рядом с Зиновием Гердтом»?.. Знакомые всплеснут руками, воскликнут: «Ах!» — и это все. Какая разница — вокруг кого жить. Главное — как жить самому.

Однако Зюме было именно важно: кто вокруг. Среди кого она вращается. Место определяло сознание. Спрашивала себя: неужели это я, девочка из захолустья, из поселка под названием Белая Калитва, поселилась в столице и моя дача на одной улице с самим Зиновием Гердтом?.. При этом у него — халупа, а у меня будет дворец. И сам Эльдар Рязанов, встречаясь на прогулочной тропе, говорит мне: «Здравствуйте». А я еще подумаю: кивнуть в ответ или пройти мимо.

Однажды Зюме рассказали байку: президент Клинтон пригласил на прием футбольную команду. А один черный футболист не пошел. Заявил: я зарабатываю в год больше, чем Клинтон. На фиг он мне нужен..

Деньги — это не только удача. Это еще и объективная оценка человека. Недаром на Западе существует такой вопрос: сколько он стоит?

Зюма стоит дорого. Дороже футболиста и Клинтона, не говоря об Эльдаре Рязанове.

«Кто был ничем, тот станет всем». Слова из Интернационала. После Октябрьской революции кто был ничем, тот ничем и остался. А в девяностых годах — кто был ничем, тот действительно стал всем, как Зюма.

Но начнем с начала.

Зюма родилась в тридцать третьем году. В начале войны ей было восемь лет, а братику Семе три года.